

УДК 39:069

Из истории Российского этнографического музея: к 80-летию обретения самостоятельности

ВЛАДИМИР МОИСЕВИЧ ГРУСМАН

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Доктор педагогических наук, директор музея
e-mail: 5705768@mail.ru

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДМИТРИЕВ

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории
отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана
e-mail: dmitriev_home@mail.ru

Российский этнографический музей (РЭМ) является наследником Этнографического отдела Русского музея (ЭОРМ), учреждения, продолжавшего традиции музейного дела России XVIII – начала XX в. На рубеже 1920-х – 1930-х гг. в стране были пересмотрены фундаментальные позиции гуманитарной науки и музейного дела. Следствием этого стало изменение в 1934 г. статуса ЭОРМ и превращения его в самостоятельный музей, получивший тогда название Государственный музей этнографии (ГМЭ). Эти перемены особо сказались на судьбах сотрудников музея, а также привели к тому, что музей в Ленинграде (название Санкт-Петербурга в 1924–1991 гг.) стал основным центром хранения и изучения фактов отечественной этнографии.

Ключевые слова: музей, этнография, палеоэтнология, идеология, культурная революция, Государственный музей этнографии.

UDC 39:069

Glimpses of the History of the Russian Museum of Ethnography: the 80th Anniversary of Gaining Independence

Professor VLADIMIR M. GRUSMAN, D.Sc. (Education)

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg
The Director of the Museum
e-mail: 5705768@mail.ru

VLADIMIR A. DMITRIYEV, D.Sc. (History)

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg
Top-grade Researcher, Department of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan
e-mail: dmitriev_home@mail.ru

The Russian Museum of Ethnography (RME) is the successor of the Ethnographic Department of the Russian Museum (EORM), the institution that continues the traditions of the Russian museum affairs of the 18th-early 20th centuries. In the 1920s-1930s the fundamental principles underlying the humanities and museology in our state were revised. This resulted in a change in the status of the EORM and its transformation in 1934 into an independent museum, which received the name of the State Museum of Ethnography (GME). These changes had a major impact on the museum staff's destiny and were an influential factor for the museum in Leningrad (St. Petersburg in 1924–1991) becoming the main storage centre for the study of national ethnographic facts.

Keywords: museum, ethnography, paleoethnology, ideology, the Cultural Revolution, the State Museum of Ethnography.

В настоящий момент Российский этнографический музей в С.-Петербурге является учреждением, представляющим отечественную этнографическую науку, отражающим традиционную культуру народов России и сопредельных стран и формирующим собрание источников, сохраняющих свойства объективности факта действительности (вещевые предметы и фотографии). Данные цели определяют основы самостоятельности научной линии музея и помогли ему сохраниться в XX в., когда потрясения в музейном мире России были таковы, что редко какой музей не оказывался перед угрозой закрытия и внезапной реконструкции.

В двух ранее опубликованных статьях мы старались показать, что в России этнографический музей берет на себя функции Национального музея (в советское и постсоветское время). Эта роль имеет свое политическое измерение, каждая административная единица располагает в меру возможностей своим «национальным» музеем, но можно сказать, что эти функции более свойственны столичным музеям, представляющим культуру всех народов страны. Не вызывает сомнения, что Национальный музей формируют и диктуемые государством политические установки, и характер научной деятельности музейного коллектива.

В истории Российского этнографического музея фактор государственного воздействия был исключительно велик, музей создавался дважды в результате правительственных распоряжений. Первым актом рождения музея было создание в 1895 г. Русского музея императора Александра III, включившего Этнографический отдел (далее ЭОРМ), который начал свою работу в 1902 г. Музей не только создавался по императорскому указу, но и соответствовал официальному консервативному пониманию просвещения в России в период великих перемен, за что музейоведами советского времени не без основания трактовался как шовинистический проект¹, хотя, как ясно теперь, его создание было глубже верхушечного решения.

Позиция уже других властей проявилась в том, что после революции музей был сохранен и получил возможность в 1917–1934 гг. существовать как активно функционирующее ведущее учреждение отечественной этнографии, соответствующее всем мировым стандартам того времени.

В 1934 г. был резко поднят административный статус музея, который был преобразован в самостоятельное учреждение – Государственный музей этнографии (ГМЭ), с 1948 г. – Госу-

дарственный музей этнографии народов СССР – ГМЭН СССР), что совпало с коренной ломкой всего общественного быта в стране и ужесточением идеологических установок и, конечно, затронуло устои той этнографии, которая считается позитивным наследием науки XIX в., века торжества эволюционного прогресса и выхода на мировую арену форм национальной организации массового сознания. В музейном деле со второй половины 1920-х гг. демонстрируется отказ от форм деятельности и организации предшествующих лет и особо – от комплексной формы музея в пользу отраслевой.

Отметим, что ГМЭ не был ликвидирован в 1937 г., как могло ожидать после резкой критики его деятельности в ленинградской партийной прессе, и даже после его временного закрытия сохранил в деталях интерьера парадных залов прямые отсылки к императорской символике. В 1948 г. ГМЭ получил почти все этнографическое собрание Музея народов СССР в Москве, не только имевшего более давние традиции деятельности, но и имевшего, судя по его последнему названию, больше шансов считаться национальным музеем сталинского времени. В 1992 г. изменение названия музея на Российский этнографический подчеркнуло, что музею необходимо менять целеполагание своей работы в соответствии с изменением парадигмы государственной власти в России.

Сейчас, когда потенциал РЭМ в исполнении функций Национального музея получили развитие, важно обратиться к тому историческому периоду, когда партнерство музея и государства было сведено к преобразованию музея сверху в ходе революционного перелома общественного строя СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В истории ЭОРМ–ГМЭ этот период занял отрезок между 1929 и 1938 гг., что относится и ко всей отечественной этнографии. Кульминационными точками в этом процессе были совещания 1929 и 1939 гг., когда были преобразованы наука и ее дисциплины, а также время после 1932 и до 1937/38 гг., когда критике подверглись уже те, кто проводил перелом 1929–1932 гг. Для истории РЭМ особенно важны: 1931 – начало 1932 г., когда музей собственно и пережил коренную ломку как деятельности, так и научного коллектива; март 1934 г. – дата приказа о выделении музея; начало 1938 г., когда закончился период реконструкции и музей вернулся к выработке собственных позиций в науке.

В отрезке времени между 1929 и 1938 гг. вся советская этнографическая наука подверглась таким преобразованиям, что была, по опреде-

лению Ю. Слезкина, «в нокдауне»². Специфику периода и процессов, происходивших в его продолжении в советской этнографии, Ю.Н. Слезкин объясняет рядом обстоятельств:

1. Общим переустройством в годы двух первых пятилеток советского общества, когда в СССР были атакованы все общественные группы и слои общественной мысли;

2. Установлением со второй половины 1920-х гг. тотального идеологического контроля государства над процессами, происходившими в науке;

3. Появлением в этнографии, как и в других отраслях науки и общественного производства группы социально активных выдвиненцев, воспитанных и обученных в новой советской высшей школе, недовольных рамками прежнего «буржуазного» мировоззрения и господством в соответствующей отрасли знания представителей старых школ, невозможностью выдвинуться в научно-производственной среде без воздействия на нее извне.

Ю.Н. Слезкин выделил то обстоятельство, что почти все молодые советские этнографы обучались в Москве и Ленинграде на географических и этнологических факультетах, которые, являясь формой университетского образования, отрицали традиции дореволюционных университетов. В 1918–1927 гг. этнология преподавалась как часть географического знания, но при этом именно географические подходы, по крайней мере, в этнологической теории все более становились объектом марксистской критики до сосредоточения всего полемического пафоса на школе культурных кругов. Немаловажным обстоятельством было, что к моменту экстремума культурной революции в СССР (официальный термин, обозначающий тотальное повышение грамотности и быстрое создание советской интеллигенции, противопоставленной всей буржуазной науке) этнологическая высшая школа была закрыта. До 1927–1929 гг. какие-либо изменения в науке сдерживались необыкновенно высоким авторитетом В.Г. Богораза и Л.Я. Штернберга, но уже в 1929–1932 гг. атаке были подвергнуты не только авторитетные личности, но и вся парадигма этнографии в целом.

Характеризуя роль активных участников идеологического перелома в науке, следует отметить два обстоятельства:

1. Делегирование идеологическим аппаратом государства функции критики основ науки и занимавших в ней видные позиции ученых недавно пришедшим в науку представителям научного сообщества: в этнографии С.Н. Бы-

ковский, Н.М. Маторин (в ЭОРМ/ГМЭ – Н.Г. Таланов и А.К. Супинский. – В.Д.);

2. Возложение впоследствии на этих же лиц вины за допущенные перегибы и вульгаризацию науки в период 1932–1937 гг.

В российской истории конец 1920 – начало 1930-х гг. вошли как время советского модернизационного перелома и подавления в стране всех реальных и предполагаемых оппозиционных общественных слоев и групп. Быстро обратили внимание на такие науки, как археология и этнография, что проявилось в материалах совещания этнографов Ленинграда и Москвы (1929), когда проблема существовании этих наук была обозначена в форме вопроса о возможности марксистской археологии и этнографии, достойного мифического Сфинкса. В апреле 1929 г. в выступлении застрельщика этой дискуссии сотрудника ГАИМК В.Б. Аптекаря этнология называлась «буржуазным суррогатом обществоведения», которое не могло быть марксистским, а практическая этнография не признавалась отличной от марксистской социологии. Тезис был озвучен и стал развиваться дальше³. В этой связи не только дореволюционная и зарубежная этнография признавались чуждыми, но и заканчивалась история ленинградской этнографической школы Л.Я. Штернберга, построенной на основе эволюционизма и географического подхода. Согласно общему определению главы школы этнография должна была изучать огромную часть человечества, не имеющую никаких памятников письменности, остающуюся на низших ступенях культуры: все туземное население Африки, Австралии, Океании и Индонезии, обеих Америк, народы Северной Азии, множество народов Индии. Цель этнографии – воссоздать картину распространения и взаимодействия культур даже самых отделенных друг от друга народов, классифицировать явления и вывести законы их развития. Этнография имеет близкую дисциплину – этнологию, которая занимается изучением генезиса культуры с включением данных о доисторическом человеке, добытых палеоэтнологией⁴. Все это весьма походило на заявление о возможности самостоятельного предмета науки, но как раз в резолюциях совещаний 1929 и 1939 гг. категорически отрицалась возможность «самодвижения материи» в объектных зонах этнографии и археологии. В школе Штернберга этнографии придавалось отнюдь не вспомогательное значение. Характеризуя ее положение в дореволюционной России, он говорил, что этнографию при царизме либо считали «хрестоматией с описанием курьезов из жизни дикарей», либо

относили к ней как к политически неблагонадежной науке вследствие ее эволюционного характера⁵. Развивая советскую науку, Л.Я. Штернберг исходил из того, что в СССР этнография должна была стать важной для общества научной дисциплиной с очень широкими возможностями. Дальнейшая эволюция этнографии могла бы сделать ее вполне конкурентной с историческим материализмом.

Между тем идеология совещания 1929 г. и его резолюции не допускали подобной гордыни. Отвергнув возможность существования самостоятельного предмета этнографии, подвергли критике качество ее эмпирических методов. В январе 1930 г. на секции Общества историков-марксистов от уже поверженного кумира, представителя старой школы этнографов В.Г. Богораза, добились призыва вести «внутреннюю борьбу с грузом этнографических сведений, которые есть у каждого этнографа за плечами»⁶. В 1931 г. Н.М. Маторин еще раз ударил по фундаменту этнографической науки: «Рано или поздно и “полевая этнография”, <...> отдающая сильным душком старомодного народничества, должна уступить свои позиции <...> всюду побеждающему, действительному марксизму»⁷.

В тот период при ликвидации университетского отряда этнографии и отсутствии форм академической советской этнографии, появившихся позднее, реконструкция должна была затронуть то, что существовало, и в первую очередь – этнографические музеи и, особенно, крупные. Первый сигнал о реконструкции музейной сети СССР прозвучал еще в 1925 г., когда в целом вся имевшаяся музейная сеть была объявлена наследием прошлого.

В 1928 г. со стороны государственного руководства сферой культуры поступает четкая формула реорганизации музейного дела. Подчеркивалось, что прошел этап сохранения культурных ценностей, наступил период использования музейных собраний в деле перевоспитания масс; на первом месте в деятельности музеев должна находиться просветительная работа; музеи должны быть превращены из кунсткамер, которыми они являются в настоящий момент (В тексте названы конкретно Исторический, Политехнический, Народоведения, Русский музеи, т.е. имевшие давнюю дореволюционную традицию деятельности и длительную предысторию возникновения. – В.Д.), в живые музеи; необходимо проверить научный аппарат музеев под углом зрения пригодности этого аппарата в идеологическом отношении⁸.

Определение ЭОРМ как кунсткамерного на 1928–1929 гг., скорее, уже было ярлыком, хотя по сравнению с экспозициями 1970–1980 гг., выдержанными в русле концепции этноса по Ю.В. Бромлею, их, конечно, отличала некоторая статичность. Причиной был этногеографический подход, остававшийся актуальным в отечественной науке. Нельзя не отметить, что географическая доминанта вряд ли полностью может быть удалена из этнографического музея: даже в эпоху разделения экспозиций в пространстве музея на посвященные народам СССР и народам РСФСР географизм продолжал играть свою роль.

В конце 1920-х гг. в музее этногеографический подход соседствовал с социологическим: культуры и народы ранжировались по эволюционистской шкале. В ЭОРМ сложился комплекс экспозиции, изменение которого в ближайшей перспективе не предполагалось. В 1929 г. экспозиции были расположены следующим образом: 1-й этаж левого крыла – объединенная экспозиция по этнографии русских и финнов, над ними – залы украинцев и белорусов, в зале 2-го этажа, соединяющем оба крыла музея, где в 1929 г. размещалась выставка по народам Саяно-Алтая, предполагалось экспонирование культуры народов Балканского полуострова и Крыма, в правом крыле на 2-м этаже демонстрировалась культура т.н. яфетических народов (народы Кавказа), оседлых турецких (тюркоязычных) народов Средней Азии и Кавказа), под ними на 1-м этаже правого крыла – экспозиции по культуре кочевых тюркоязычных народов и народов Сибири и Дальнего Востока. Предполагалась последовательность движения (в обратном порядке) как бы по линии увеличения социальной сложности от народов-охотников и кочевников к государствообразующему русскому этносу⁹. Разнородность исходного материала вызвала внутреннюю дискуссию о единстве экспозиционных принципов, обязательных для каждого из залов, которая увлекла все сотрудников музея¹⁰. Д.А. Золотаревым в ходе обсуждения была высказана весьма смелая мысль о гетерогенности факторов течения этнической истории: разные условия являются формирующими культурный облик народа: например, у украинцев – природно-географические, у русских – социально-экономические¹¹.

В дальнейшем планировалось усложнение упомянутых больших экспозиционных комплексов: так, экспозиционное пространство русско-финского комплекса разрабатывалось с тем, чтобы в центральном зале представлялась культура русской деревни, а в периферий-

ных – культура этнических и сословных групп и народное искусство русских, культура финских этносов представлялась по хозяйственно-культурной типологии также в периферийных залах¹². Готовился план общего подхода к экспонированию предметов культуры славянских народов.

Частью разработки важных проблем этнографии была подготовка под руководством А.А. Миллера выставок «Горное земледелие» и «Водопользование в Туркестане». Первую мы уже характеризовали как попытку новаторского соединения принципов экономического детерминизма с выявлением архаических черт культуры в целях построения моделей базиса этногенетических процессов¹³. Выставка «Водопользование в Туркестане» также решала сходные проблемы. Начиналась работа над выставкой по украинскому гончарству, где предполагалось разработать методику соединения вещевых материалов с документальным. А.А. Миллера просили разработать для этой выставки конструкции на окна для демонстрации диапозитивов¹⁴.

Интересно могла развиваться выставочная работа музея на внешних площадках. А.А. Миллером было сделано предложение разработать для экспонирования на разных площадках в Ленинграде нескольких антирелигиозных выставок, и среди них в ЭОРМ могла бы быть подготовлена выставка, посвященная эволюции культовых мест в различных этноконфессиональных средах¹⁵. Была подготовлена выставка по народным куклам, экспонировавшаяся в Институте Массарика в Праге, что, с одной стороны, говорит о раннем опыте Международной выставочной деятельности РЭМ, а с другой – указывает на опасные для того времени связи со славяноведческими организациями¹⁶, в контактах с которыми власти подозревали центры враждебной СССР эмигрантской деятельности. Музей вел работы по уточнению своего основного фонда, было принято решение о передаче МАЭ коллекций по североамериканским индейцам, а музею Еврейского историко-этнографического общества – части мемориальных и культовых предметов из коллекции Ан-ского¹⁷. При этом не было речи о передаче археологического фонда.

В ЭОРМ продолжалась экспедиционно-собираетельская работа по типу комплексных экспедиций, проходивших в 1920-х гг. В 1929 г. действовали Западно-финская, Северо-Кавказская и Алтайская комплексные экспедиции. Северо-Кавказская экспедиция работала в Дагестане, а предполагаемое обследование украинцев Кубани не удалось, по косвенным данным,

из-за позиции местных властей, что было уже тревожным признаком административного вмешательства в выбор этнических общностей для изучения этнографами, что означало бы признание этих групп существующими. На 1930 г. планировались Русско-финская, Смоленская, Хорезмская, Уссурийская, Таймырская экспедиции. Не все они состоялись, но были организованы и другие.

Деятельность музея к 1930-му г. имела почти двадцатилетнюю историю. Большинство сотрудников, внесших заметный вклад в музейную работу и полевую этнографию и археологию, начинали свой путь в науку еще в дореволюционное время. ЭОРМ как общественный институт и хранилище исторических ценностей пережил революцию 1917 г. и разруху 1918–1919 гг., разного рода передвижения его коллекций, среди которых были не только поступления; много времени заняла ликвидация последствий наводнения 1924 г. Была продолжена практика сотрудничества, в т.ч. через личное участие ученых ЭОРМ, с разными учреждениями Петрограда-Ленинграда. Все это позволяет говорить о наличии своей авторитетной позиции ЭОРМ – как музея и как научного коллектива.

Документация конца 1920-х гг. не содержит информации о проблемах с кадровым пополнением музея. Предполагалось наладить прием новых сотрудников через практикантов, приходивших в музей из различных учреждений. В 1928–1932 гг. в ЭОРМ пришло много новых сотрудников, позднее, после 1933 г., составивших костяк научной части музея: С.Г. Гринина, Т.А. Крюкова, А.С. Морозова, Г.А. Никитин, Л.П. Потапов, Н.Ф. Прыткова, И.М. Пульнер, М.В. Сазонова, А.К. Строева, Е.Н. Студенецкая, А.К. Супинский, Н.А. Федорова¹⁸.

Работа ЭОРМ в 1929 г. была частью выполнения Первого пятилетнего плана и вполне соответствовала грандиозности тех задач, которые были поставлены перед всем советским народом.

В экспедиционно-собираетельской работе был отдан приоритет изучению русско-финской культуры, с этой целью были организованы Русско-финская экспедиция с охватом Ленинградской области, Автономной Карельской ССР и Автономной области Коми, а также Сибирская, Забайкальская и Южнорусская экспедиции с производением археологических работ на славяно-финских археологических памятниках. Планировалось изучение славянской этнографии в Западной Украине и в Белоруссии с охватом мест расселения евреев Правобережья и нижнего Поднепровья. Пред-

полагалось изучение культуры украинцев на Кубани (1929–1930), а на левобережье Днепра – изучение славян, как определялось, южного типа. Для изучения Кавказа ставилась задача возобновления после многолетнего перерыва обследования всего региона, в первую очередь – Горного Дагестана, аваро-андо-цезских народов, горных тюрков Северного Кавказа. По Туркестану внимание концентрировалось на Хорезме и туркменском этносе. По Сибири готовилось окончание работ в Саяно-Алтайском регионе и в ближайшей перспективе – переключение внимания на изучение культуры угрско-самодийских народов и тунгусо-манчжур, а также исследования шаманизма и ламаизма¹⁹. В планировании по годам встречаются задумки Цыганской, Греческой, Восточно-финской, Северо-Азербайджанской, Таджикской, Амурской и др. экспедиций²⁰. На 1 января 1928 г. основной фонд музея составлял 236 216 предметов музейного хранения²¹.

В области экспозиционного строительства предполагалось провести переустройство экспозиции по Северо-Западу, частичное изменение экспозиции по украинцам, реконструкцию разделов экспозиции по народам Горного Кавказа с добавлением комплексов по культурам «мелких народностей» региона и созданию экспозиции отдельных элементов культуры кавказских народов; предполагались экспозиции культуры народов «Палеоарктики» («показ примитивных культур»), северных тунгусов, Саяно-Алтайского нагорья (с целью отметить в прошлом напластование разных культур). В 1930–1932 гг. планировались подготовка экспозиции «Русские», в 1930–1931 гг. – завершение создания экспозиций по народам Закавказья и по южным тунгусам, в 1932 г. – подбор материалов экспозиций по национальным меньшинствам Белоруссии и Украины, «Кочевые тюркские народы Средней Азии», по оседлой культуре Средней Азии и тунгусо-манчжурских народов (с отделом по ламаизму). Среди выставочных проектов могли быть осуществлены выставки «Места проявления сверхъестественной силы» (1930–1931), «Прикладное искусство Средней Азии» (1931–1932), «Древние кочевнические культуры» (1931–1932)²².

Особой задачей была подготовка строительства комплексов украинской усадьбы (1931), севернорусской усадьбы (1932), финской избы (1933), кочевнического жилища (1933). Для этого предполагалось освоить территорию, примыкающую к Михайловскому саду. Развитием данной темы были размышления о структуре предполагаемого Этнопарка, очевидно, где-то за пределами собственно территории

Русского музея. В 1931 г. шли разговоры о выделении площади под Этнопарк на Крестовском острове у 2-го Елагина моста²³.

Планировалось строительство двух флигелей вокруг Мраморного зала с одновременной ликвидацией опасных галерей вокруг него, ставилась задача подготовки нового хранилища резерва и усовершенствование хранилища оборудования. Считали необходимым продолжить публикацию «Материалов по этнографии России», «Музейного дела» и начать новое издание под названием «Записки этнографического отдела».

Учитывая, что некоторые из заявленных задач – строительство новых помещений, получение новых площадей, создание усадеб под открытым небом и др. – так и не получили воплощения, нельзя не удивиться и восхищаться широте планирования в ЭОРМ работ периода Первой пятилетки, одновременно предполагая, что только тогда они могли реализоваться.

Наблюдается разделение задач комплектования фондов и экспонирования этнографических предметов с одной стороны и просветительской работы с другой. Если первое направление имело объективистскую направленность, то просветительская работа была вполне приспособлена к задачам пропаганды социалистических преобразований. Примером последнего можно считать перечень тем проводившихся экскурсий: «Украина и ее значение в хозяйстве СССР», «Рост культуры и хозяйства Белоруссии в 5-летнем плане», «Народы Кавказа в прошлом и настоящем», «Страна хлопка и ее будущее (Узбекистан в 5-летнем плане)», «Экономическое и культурное развитие Сибири», «Финно-угры на путях нового строительства», «Сельское хозяйство СССР в 5-летнем плане», «Народы СССР на путях строительства социализма», «Язычество и православие в сельскохозяйственном быту», «Шаманство и ламаизм (религия и хозяйство)», «Социальные корни религии», «Происхождение и классовый смысл буддизма», «Кто больше поможет крестьянину – поп с кадилом или коммунист с трактором», «Шаманство и его параллели в христианстве», «От мотыги к трактору»²⁴. В 1928–1929 гг. Этнографический отдел Русского музея посетили 71 673 чел., в т.ч. в составе экскурсий – 51 722 чел.²⁵.

В контексте произошедших позднее событий гораздо больший интерес представляют программные заявления, предпосланные планированию работ. Так было написано, что по плану работы «Этнографического отдела РМ, ведущего этнографическое изучение всех наро-

дов, населяющих Советский Союз, в период резкого изменения производственных условий, быстрого развития новых хозяйственных форм и приобщения народностей к новой культурной жизни все усилия будут направлены на изучение хозяйственного быта, фиксацию уходящих культурных форм и изучение процесса внедрения новых элементов в старые культурные формы». Также заявлялось, что усилия, в частности, будут направлены на изучение народных способов использования производственных сил²⁶. И далее среди направлений научно-исследовательской работы выдвигались:

1. Влияние природных условий;
2. Преемственность современных этнических культур с прежними культурами;
3. Перерождение старого быта;
4. Динамика изменений народной культуры;
5. Превращение слабых полуколониальных окраин в советские республики;
6. Локальные культуры и рядом с ними возникающие общесоветские культуры;
7. Подготовка рекомендаций промышленности в производстве вещей с учетом вкусов и традиций населения;
8. Оценка результатов рациональной политики советской власти²⁷.

Нельзя не отметить, что последний пункт находится в прямом противоречии с установками совещания 1929 г., т.к. придавал музею функции эксперта в области национальной политики. В целом же перечень тем совершенно не был связан с идеями революционного переустройства общества, исходящими от властей. Скорее, демонстрировалась солидарность с обреченным политически курсом (на то время) на реформистское бесконфликтное вхождение докапиталистической России в социализм. В верхах этот подход отстаивался Н.И. Бухариным, в 1929 г. выведенным за это из высшего партийного руководства и позднее репрессированным. Он предлагал эволюционный путь развития экономики, когда кооперация и общественный сектор, сосуществуя с индивидуальным хозяйством, будут постепенно вытеснять его, не взрывая реальность, а опираясь на нее²⁸.

Такой подход как фундированная научная теория развивался школой А.В. Чаянова, которому принадлежит заслуга разработки концепции трудового хозяйства отдельной крестьянской семьи, теории крестьянской кооперации и теории организации аграрного сектора в целом. Теория А.В. Чаянова предполагала сохранение бытующего крестьянского хозяйства при социализме, использование его трудо-

вого потенциала в кооперации и, в конечном счете, сохранение крестьянской культуры с вытеснением из нее элементов частнособственнического хищничества; чаяновская концепция была объявлена не только антинаучной, но и вредительской. В 1930 г. Чаянов был арестован по обвинению в создании антисоветской Трудовой крестьянской партии, а в 1937 г. расстрелян²⁹.

Если раньше принципы, присутствующие в программных установках ЭОРМ, не вызвали официального раздражения, то теперь они были подвергнуты критике в стиле персонализации идейных установок. Научная позиция ЭОРМ ставилась в вину его руководителю, которым в это время был С.Н. Руденко. Поскольку проведение совещания 1929 г. и выработка перспектив работы Этнографического отдела на пятилетний срок проходили в одно время, фраза из выступления на совещании В.Б. Аптекаря выглядела как реплика в прямой полемике: «Во главе одного из крупнейших ленинградских музеев стоит ученый, <...> который является одним из знамен реакции <...> первый шаг для того, чтобы действительно в эту самую атмосферу внести новый элемент советской жизни, состоит в том, чтобы эти люди с чуждым нам идеологическим влиянием, с чуждыми методами были убраны»³⁰.

Почти немедленно после совещания 1929 г. учреждениям археологической и этнографической науки была предложена борьба с «руденковщиной», видный российский и советский ученый С.Н. Руденко был арестован, но, как некоторые особо крупные личности в российской науке, позднее был возвращен к активному труду и даже возведен советской властью. Всех же, кого «прорабатывали» в ходе таких кампаний, ждала более печальная судьба.

В ЭОРМ борьба с «руденковщиной» была, главным образом, проведена в рамках работы т.н. методологического совещания – постоянно действующего семинара, призванного воспитывать в духе марксизма-ленинизма новых сотрудников и перевоспитывать старые кадры, которые к тому времени считались «буржуазными специалистами». Семинар явно был полем раздуваемого группового конфликта накануне реформы музея. Современники так оценивали это предгрозовое состояние: «Несмотря на известное расслоение, обнаружившееся в составе научного персонала после Октябрьской революции, марксистско-ленинская методология не проникла в отдел»³¹.

Одновременно с критикой научных взглядов и деятельности С.И. Руденко шла критика его учителя Ф.К. Волкова, работавшего в музее

в конце императорского периода и в первые советские годы, да и в целом критика палеоэтнографии и этнологии. Руденко и Волкова обвиняли в попытках оправдать капиталистическую эксплуатацию колониальных и полуколониальных народов. Нападающей стороной выступали новые в музее люди – заведующий отделом народов Средней Азии с 1928 г. и ставший позднее директором ЭОРМ «коммунист Таланов» (так он определен в работе Т.А. Крюковой и Е.Н. Студенецкой по истории ГМЭ³²), старший научный сотрудник, быстро ставший заведующим отдела Белоруссии А.К. Супинский. Активность критики «руденковщины» на методологическом совещании и отношении к итоговой резолюции от 19 февраля 1932 г., предпринятой на методологическом совещании Этнографического отдела ГРМ совместно с бригадой критики ИПИИ, в конечном счете, стали фактором для определения дальнейшей судьбы сотрудников музея. Большая группа была обвинена в пассивности: в основном это были люди, пришедшие в ЭОРМ в годы перелома и затем составившие костяк коллектива работников ГМЭ. Ф.А. Фиельструп и Е.Э. Бломквист трактовались как защитники Руденко, а Б.Г. Крыжановский, Б.А. Бонч-Осмоловский, С.А. Теплоухов выделялись как его активные защитники. Дискуссия еще продолжалась, но уже в начале 1932 г. был арестован Б.Г. Крыжановский. Позиции А.А. Миллера и Д.А. Золотарева не обсуждались, так как всем было известно, что А.А. Миллер и Ф.К. Волков получали этнологическое образование в Париже и что следующей кампанией после осуждения Руденко должна была стать борьба с «золотаревщиной»³³.

1931 г. был переломным в работе учреждений гуманитарного профиля СССР и в судьбах их сотрудников. Вся ведомственная публицистика первой половины 1930-х гг. сообщает о тех позитивных переменах и сопровождающем их энтузиазме, которые стали происходить повсеместно в 1931 г. Их причиной называют Решение ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г., в котором содержалось требование изменения всего характера исследовательской работы. Такие решения следовало только исполнять и, чтобы найти нужную линию действия в каждой отрасли, проводились совещания, где получали необходимые инструкции. 7–11 мая 1932 г. ГАИМК снова собрал Всероссийское археолого-этнографическое совещание.

1931 г. отмечен двумя событиями в экспозиционной работе музея: была открыта выставка «От первобытно-коммунистической орды до соцстроительства» (обиходное название «Саяно-Алтайская выставка»), получившая одо-

бления наркома просвещения А.С. Бубнова, и раскритикована выставка «Украинское село». «Саяно-Алтайская выставка» была представлена журналом «Советская этнография» как новаторское творчество молодых сотрудников музея, в которой найден прием сочетания археологического и этнографического материала, а также впервые использован комплекс вещевых, фотографических и документальных источников. То, что эти методы уже имели место в практике ЭОРМ, в статье не говорилось, т.к. предлагалось данную выставку рассматривать как революционное событие в работе музея. Особо было отмечено, что авторами выставки были выявлены и показаны застои в культуре саяно-алтайских народов до 1917 г. и ее быстрое прогрессивное изменение за последующие 14 лет советской власти, показано классовое расслоение общества внутри самого туземного общества, отмечена классовая эксплуататорская роль шамана. В данной экспозиции предлагалось видеть рубежное событие, образец для обширного плана экспозиционного переустройства Этнографического отдела³⁴.

Проблема, внезапно возникшая с экспонированием предметов украинской культуры, получила оценку одного из наших современных сайтов, авторы которого предположили, что выставка «Украинское село» была закрыта по политическим мотивам, восходящим к мерам по прекращению украинизации части госаппарата на Кубани, что привлекло внимание спецслужб к работе в Краснодарском крае Северо-Кавказской экспедиции под руководством А.А. Миллера и дало повод позднее (1932) предъявить ему обвинение по делу «славистов». По оценке партийных органов того времени выставка идеализировала жизнь сельских жителей, не отражала связь города и деревни и вообще ничего не говорила о «классовом расслоении крестьян». Специальным Постановлением Наркомпроса СССР выставка «Украинское село» была закрыта ввиду ее «политической неприемлемости», а все ее создатели были наказаны³⁵. Развертывание следствия по этому делу дало возможность применить репрессии к ряду сотрудников ЭОРМ. Фактически в 1932 г. по разным обвинениям были репрессированы практически все кадры ЭОРМ, занимавшие ведущие позиции в науке 1920-х гг. и сотрудничавшие в разных учреждениях истории, этнографии и археологии – весь цвет ЭОРМ.

Д.А. Золотарев (1885–1935), археолог и этнограф, специалист по славяно-финской этнографии, с 1911 г. – член Постоянной комиссии по составлению этнографических карт при

Русском географическом обществе (1916–1919 – секретарь); в 1920-е гг. – заведующий русско-финским отделением ЭОРМ и заведующий разрядами этнической антропологии и этнографии ГАИМК, председатель антрополого-этнографической секции Ленинградского общества изучения местного края, а также глава Европейского отдела Комиссии по изучению племенного состава народов СССР и сопредельных стран при АН СССР (КИПС); в 1928–1930 гг. – секретарь отделения этнографии Всероссийского географического общества. 12 декабря 1930 г. арестован по «делу Центрального бюро краеведения».

Г.А. Бонч-Осмоловский (1890–1943), археолог и этнограф. В 1920–1921 гг. – заведующий Крымским комитетом по делам музеев. Совместно с Ф.А. Фиельструпом в 1923 г. собирал коллекции для ЭОРМ и Центрального музея Тавриды. С 1922 по 1933 г. – сотрудник ЭОРМ, старший помощник хранителя Русского музея по Этнографическому отделу. С 1924 по 1930 г. – ассистент кафедры антропологии Петроградского/Ленинградского университета, с 1930 по 1933 – старший научный сотрудник ГАИМК, старший специалист и заведующий Четвертичного отдела Геологического института АН СССР; член правления Ленинградского отделения Российского общества по изучению Крыма. Арестован 29 ноября 1933 г. по делу «Российской национальной партии» (т.н. «Делу славистов»).

Б.Г. Крыжановский (1886–1937), этнограф-славист. В ЭОРМ работал с 1915 по 1932 (по другим сведениям – до 1933 г.) с перерывом в 1916–1918 гг., в последние годы – заведующий отделом Украины. Занимался активно преподавательской деятельностью. Арестован по делу «Российской национальной партии» (т.н. «Делу славистов») в 1932 г. в Смоленске во время командировки.

А.А. Миллер (1875–1935), крупнейший российский этнограф-кавказовед, археолог, лидер отечественной школы палеоэтнологии; создатель Северо-Кавказской комплексной экспедиции, воспитатель серии советских археологов-кавказоведов. Первые коллекции для ЭОРМ собрал в 1904 г. в Абхазии. С 1908 по 1932 г. – хранитель, руководитель направления востоковедения (Кавказ, Средняя и Центральная Азия, Поволжье, страны мусульманского Востока), в 1918–1921 гг. – заведующий ЭОРМ и директор Русского музея, возвращался к заведованию ЭОРМ, в т.ч. в 1929 г. Арестован по делу «Российской национальной партии» (т.н. «Делу славистов») в 1933 г.

С.И. Руденко (1885–1969), известный археолог и этнограф. С 1921 по 1928 г. – заведующий ЭОРМ и хранитель (заведующий) отделения этнографии Сибири и Дальнего Востока в ЭОРМ, с 1921 по 1954 г. (с перерывом) – профессор Ленинградского университета. Всемирно известен открытием культуры Пазырыкских курганов, изучением культуры башкир. Арестован в 1930 г. по т.н. «Академическому делу».

А.Н. Самойлович (1880–1938), ученый-востоковед, в 1929 г. – сотрудник ЭОРМ (по архивным данным)³⁶. В 1920 г. – преподаватель восточного отделения Академии Генерального штаба РККА, позднее – ректор Центрального института живых восточных языков (1922–1925), академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН СССР (1929–1933), директор Института востоковедения АН СССР (1934–1937). Арестован 27 октября 1937 г. по сфабрикованному обвинению в шпионаже в пользу Японии, обвинялся также в распространении идей пантюркизма.

С.А. Теплоухов (1888–1934), российский историк, археолог, этнограф, сибириевед, востоковед. С 1922 г. работал в ГАИМК, ЭОРМ, Петроградском (позднее Ленинградском) университете. На основе собранного в Минусинской котловине материала С.А. Теплоуховым была создана классификационная система археологических культур Южной Сибири, сохранившая научное значение и в наши дни. Арестован 26 ноября 1933 г. по делу «Российской национальной партии» (т.н. «Делу славистов»).

Ф.А. Фиельструп (1889–1933), крупный российский ученый-тюрколог. В 1916–1920 гг. работал в МАЭ; с 1918 г. – в качестве внештатного, а с 1921 г. – уже штатного сотрудника КИПС, с 1921 по 1933 г. – сотрудник ЭОРМ. Арестован 26 ноября 1933 г. по «делу Российской национальной партии» (т.н. «Делу славистов»).

Е.Р. Шнейдер (1897–1938), этнограф, сибириевед. В 1923 г. по рекомендации С.А. Теплоухова был зачислен научным сотрудником в отделение Сибири ЭОРМ; занимался тунгусо-маньчжурскими народностями и палеоэтнологией Приморья, уделяя особое внимание южным группам: удэгейцам, орочам, негидальцам, самагирам, принял участие во многих экспедициях (1923–1932); в 1929 г. подготовил большую временную выставку «Искусство народностей Сибири». Автор большого количества учебно-методической литературы для учителей, работающих среди народов Амура. В ходе борьбы с «руденковщиной» подвергался активной «проработке». ЭОРМ покинул не

позднее 1933 г. С 1932 г. – старший научный сотрудник лингвистической секции Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера, где занимался созданием удэгейской письменности. Преподавал на географическом факультете ЛГУ. Арестован в 1937 г.

Таким образом, проведенная в ЭОРМ реконструкция перед преобразованием его в самостоятельный Государственный музей этнографии свелась в первую очередь к устранению большой группы именитых ученых. Еще раз напомним, что в начале 1930-х гг. все они были сотрудниками ЭОРМ.

7–11 мая 1932 г. состоялось Всероссийское археолого-этнографическое совещание, его резолюция отсылает к итогам совещания этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г., требовавшим борьбы с либерально-примиренческим отношением к старой этнографии и устранения всех методов, которые могли бы демонстрировать самостоятельность этнографии. Однако у совещания была и собственная направленность, связанная скорее с характерной для весьма короткого периода установкой властей на сглаживание конфликтной ситуации в стране, следствием некоторого благодушия победителей, а также необходимости планировать не только репрессивные преобразования, но и созидательные процессы. Такая установка связана с решениями XVII съезда ВКП(б) (1932).

Считается, что в постановлении 1932 г. археология и этнография в равной мере объявлялись вспомогательными историческими дисциплинами, тем самым их значение в процессе познания умалялось. Очевидно, это было не совсем так, поскольку резолюция совещания 1929 г., начинавшего период изменений, и резолюция совещания 1932 г., завершавшего его, преследовали различные цели. Можно считать, что в 1932 г. наукам «указали» на предназначенное им место в советской системе организации научного знания, но лишить их такого места уже не предполагалось, напротив, давались конкретные регламентации научной деятельности для каждой дисциплины.

Теперь для археологии следовало вести «разработку вопросов методики и техники добывания и первичной обработки вещественного материала как источника исторического познания», затем археологам предлагалось, как и ранее («незакономерность археологии в качестве самостоятельной науки ни в какой мере не должна означать упразднения тех функций, которые выполнялись археологами»), проявлять бережное и внимательное отношение к археологическим памятникам, знать материал

и уметь работать с ним как с источником исторического исследования. Главным антиподом научной археологии объявлялись буржуазные методики, предполагавшие саморазвитие археологического объекта, источником которого выступал «народный дух», и обслуживавшие интересы империалистической буржуазии в области колониальной политики и эксплуатации т.н. «малых народностей», шовинистического разжигания национальной розни и территориальных захватов³⁷.

Относительно этнографии в тексте постановления совещания 1932 г. замечалось:

1. «Особая самостоятельная этнография» является результатом «гипостазирования материалов археологических, фольклорных, литературных (письменных вообще) и, наконец, добытых путем непосредственного наблюдения (так называемые описания “быта”)³⁸;

2. Результаты наблюдения как метода неизбежно трансформируются в литературные (письменные) источники и могут применяться в отношении общества любой формации. При этом этнография «имеет своей задачей полевое собирание и первичную обработку непосредственных наблюдений над жизнью и бытом ныне живущих народов»³⁹;

3. «Совершенно антинаучным и политически вредным является деление народов на исторические и неисторические» (в данном случае демонстрировалось предостережение от разделения предметной зоны еще не оформившихся этнографии современности и традиционной этнографии);

4. «Во всех областях, где могут и должны найти применение этнографические материалы, использовать их в максимальной мере для разрешения проблемы социалистической стройки, связанной с некапиталистическим путем развития для отсталых народов СССР»⁴⁰.

У этнографии в СССР обнаруживалось много врагов, больше, чем у археологии: врагами, с которыми предстояло бороться, были названы буржуазно-империалистическая и клерикальная этнология, фашистская и социал-фашистская этнология, но также обозначались все формы отечественной этнологии 1920-х гг., обретенные в ходе ее предшествовавшего развития: поиск самобытности (феодално-дворянское и буржуазно-демократическое направление), классическая школа Тейлора и Липперта, эволюционное направление, исследования «живой старины», буржуазный эмпиризм Моргана, «народолюбивая» и романтическая идеализация первобытности (мелкобуржуазное направление, не видевшее классовый дифференциации общества и возможностей

некапиталистического развития), мифологическая школа, краеведческое (родиеведческое) направление, славяноведение, финно-угорская этнография, народническая школа, избравшая объектом своего изучения преимущественно народы Севера, новые школы, как американская эмпирическая школа, школа культурно-исторических кругов, школа Фрейда и др., группа П.Ф. Преображенского, пытавшаяся соединить достижения буржуазной науки с марксизмом, и «все возможные школы и группы буржуазной и мелкобуржуазной этнографии как в СССР, так и за рубежом»⁴¹.

В постановлении ясно сказано, что речь идет не столько о том, что археология и этнография являются науками второго плана, как можно было бы трактовать термин «вспомогательная историческая наука», сколько о политической важности этих научных дисциплин в обществе после «второй социалистической революции». При этом если от археологии требовали быть марксистской, что позволяло иметь долю преэминентности с прежней наукой, то этнография мыслилась только «советской», выявляющей традиционными методами ресурсы для некапиталистического развития всего населения СССР⁴².

Следует отметить, что в постановлении совещания 1932 г. особо были указаны центры концентрации чуждой советской власти идеологии: Русское географическое общество и Русский музей, где, по мнению авторов постановления, изначально процветало краеведческое движение феодально-дворянской этнографии⁴³. Теперь, если появилась бы властная воля сохранить этнографический музей в Ленинграде, это можно было бы сделать только через ликвидацию прежнего Русского музея.

С критикой работы ЭОРМ согласовывался голос тех сотрудников музея, которые ждали его реконструкции. Так в статье, опубликованной в журнале «Советская этнография», рисовалось совершенно тревожное положение в ЭОРМ. Об истории музея было сказано: «В царское время экспозиции отдела представляли типичную *кунсткамеру*, выставлявшую *экзотические вещи*, подчеркивающие *дикость угнетенных народов* и, тем самым, *превосходство русской культуры и неизбежность вымирания инородцев*». Работа в музее в 1920-х гг., как полагалось ее критиками, была обусловлена «народническим» направлением в этнографии, содержащим желание сохранить *национальную живую старину*, стремлением к ее идеализации и к *первобытчине*. По их мнению, экспозиции показывали культуру кулацкой верхушки, термины «*народный быт, народное искусство*,

народное творчество являлись формулами народнической идеологии, призванными отвести внимание от классовых отношений в обществе». В настроении сотрудников отдела, пришедших в 1928–1932 гг., немарксистская методология экспозиционной работы ЭОРМ была результатом деятельности старых научных кадров. «Молодые» сотрудники писали, что в Этнографическом отделе процветает «руденковщина», «золотаревщина» и другие реакционные направления, смысл которых не допустить показа коренных изменений, произведенных у народов Советского Союза Октябрьской революцией, с этой целью используются все разновидности буржуазной музейной методологии (эволюционизм, технологизм, географизм, школа культурных кругов и т.д.)»⁴⁴.

Организационным результатом определения места этнографии в советской науке было формирование головных академических учреждений в Москве и Ленинграде. В 1933 г. (Постановление Президиума АН СССР от 15 февраля 1933 г.) на базе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого был организован Институт антропологии и этнографии Академии наук СССР, (переименован в 1935 г. в Институт этнографии АН СССР), чем была определена ведущая форма организации этнографической науки в СССР.

С 1931 г. началась реорганизация другого музейного этнографического органа – Центрального музея народоведения в Москве, на то время старейшего центрального этнографического музея, коллекции которого собирались еще в середине XIX в., истоками музея были Румянцевский Публичный музей, открытый в 1830 г., и Этнографическая выставка 1867 г. 17 декабря 1931 г. было издано постановление Президиума ЦИК СССР о преобразовании Музея народоведения в Музей народов СССР при ЦИК СССР. Вся экспозиционная и собирательская деятельность Музея народоведения – Музея народов СССР прошла реорганизацию. Как и в ЭОРМ, в музее был практически удален весь старый кадровый состав, имевший большой опыт полевой и кабинетной работы, накопленный в 1920-е гг. В 1929–1931 гг. были уволены почти все старые сотрудники музея, в т.ч. его директор В.В. Богданов и его предшественник Б.М. Соколов – известные теоретики музейного дела первой трети XX в.⁴⁵. Кадровая реорганизация была столь значительной, что в одной из статей, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1934 г., говорилось о полном «вымирании» этнографов в Москве в 1934 г.⁴⁶. В дальнейшем (в 1936 г.) Музей народов СССР был доведен до полного советского

образца, когда в его составе были организованы Вводный отдел с основной темой «Царская Россия – тюрьма народов», 11 отделов по числу союзных республик и отдел Сталинской конституции⁴⁷. В конце 1930-х гг. стало ясно, что этнографический музей в Москве доведен до глубокого кризиса, после окончания Великой Отечественной войны возрождения данного музея не произошло, и он был окончательно ликвидирован в 1948 г.

В этой цепи событий следующим актом было образование Государственного музея этнографии Приказом Народного комиссара по просвещению РСФСР № 211 от 13 марта 1934 г. Отмечалось, что создание самостоятельного музея обуславливается его удельным весом в музейной сети СССР и международным авторитетом его коллекций⁴⁸.

8 апреля директором Музея живописи, скульптуры, графики и рисунка А.Г. Софроновым и директором Этнографического музея П.И. Воробьевым был подписан акт о разделе штата и имущества. В Государственный музей этнографии передавалось должностей: заведующих отделом – 8, старших научных сотрудников – 13, младших – 10, научно-технических сотрудников – 7, научно-квалифицированных работников – 9, ученый секретарь – 1, фотограф – 1, вводилась должности директора, замдиректора и заведующего АХЧ. Этнографическому музею передавались здание ЭОРМ, канцелярский флигель, дезокамера, ледник и две лошади (которых передали далеко не сразу). Самостоятельное финансирование ГМЭ должно было открыться с 1 мая 1934 г.⁴⁹. Все коллекции и фонды историко-бытового отдела следовало передать в Государственный музей Революции.

Сообщение об этом в «Советской этнографии» было напечатано в разделе «Научная жизнь» мелким шрифтом. Подготовивший его А.К. Супинский особо подчеркнул преодоление пагубности нахождения этнографического музея в составе Русского комплексного музея: «Русский музей, состоявший из трех самостоятельных, искусственно соединенных (Подчеркивание здесь и ниже наше. – В.Д.) музеев, реорганизован. В результате вместо учреждения, которое не могло найти свой профиль, созданы научно-исследовательские и политико-просветительские центры (Музей живописи, скульптуры, графики и рисунка и Этнографический музей) с ясно выраженными и конкретными целями. Реорганизация определила точно место этнографического музея в музейной сети, что обеспечило выявление его функций, ранее ограниченных условиями искусственной связи с другими отделами под знаком «единого» музея.

Искусственно созданное единство давило на профиль Этнографического отдела и в конце концов привело к тяжелым для него последствиям.

К таким последствиям А.К. Супинским было отнесено:

1. Изъятие из основного обращения археологических и этнографических фондов, которые в силу установки на показ капиталистической деревни и социалистических обществ оставались недоступными для пользования в экспозициях отделений;

2. Сокращение экспозиционных возможностей отдела вызвало и свертывание его научно-исследовательской деятельности;

3. Кадры отдела были обречены на деклассификацию по основной специальности – этнографии народов СССР – и переключались на разработку вопросов, стоящих вне их компетенции;

4. Передача археологических собраний – «Эрмитажу удалось добиться передачи ценных коллекций из Пазырыка и Ноин-Улы»;

5. Удачная по оценке наркома просвещения А.С. Бубнова экспозиция Саяно-Алтайского нагорья «От первобытно-коммунистической орды до соцстроительства» (обиходное название «Саяно-Алтайская выставка») была построена в противовес позиции руководства Русского музея⁵⁰.

В сообщении А.К. Супинского констатируется предшествовавшая акту отделения ЭО активизация научно-исследовательской работы этнографов в виде создания группы, членами которой было подготовлено девять докладов, однако, для этого потребовалась поддержка ГАИМК. Последнее замечание наводит на мысль, что руководством ЭОРМ в 1933–1934 гг. владели сомнения в способности сотрудников музея к самостоятельной научной работе.

В докладной записке нового директора ГМЭ П.И. Воробьева (был директором ЭОРМ и ГМЭ в 1933–1935 гг., ученый-китаист), поданной в Наркомат просвещения, напротив, отмечаются полный развал научно-исследовательской, экспозиционной и экспедиционной деятельности в бывшем ЭОРМ (есть только выставка «Белоруссия и БССР», «Саяно-Алтайская» выставка разрушена из-за передачи археологических коллекций Эрмитажу, отсутствие научно-исследовательской работы, прекращение работ реставрационной мастерской, прекращение издательского дела, ничтожная схема финансирования) и собственные усилия, которые пришлось приложить для подъема работы учреждения во второй половине 1934 г. (обеспечено продолжение строительства выставок «Ленинградская область и Карелия», «Феодальный

Узбекистан» – открытие намечено на 1 мая 1935, и «Ковры из собрания ГМЭ» – открыта 15 декабря 1934; проведено 8 экспедиций⁵¹). Отчет за 1934 г. подтверждает резкий спад производственной активности ЭОРМ в 1934 г.⁵². Самыми активными фигурами в период образования Государственного музея этнографии выступили А.К. Супинский и Н.Г. Таланов.

А.К. Супинский был направлен в 1928 г. в ГАИМК аспирантом, а в 1930 г. он уже заведует белорусскими отделами в ИПИИ и ЭОРЭМ, активен во всех идеологических кампаниях. Арестован во время работы в ГМЭ в 1937 г. После отбытия срока наказания работал в научных учреждениях Череповца, защитил кандидатскую диссертацию, но вернуться в столичные города уже не смог⁵³.

Н.Г. Таланов, специалист по истории Средней Азии, тюрколог. Во время обучения в Ленинградском институте живых восточных языков/Ленинградском Восточном институте, который он закончил в 1929 г., выдвинулся по партийно-административной линии. По устному сообщению Е.Н. Студенецкой, уже в 1928 г. возглавил отдел Средней Азии в ЭОРМ, до 20 июня 1930 г. работал директором Музея революции в Ташкенте. Затем был направлен в Азиатский музей, далее – в Институт Востоковедения АН СССР на должность ученого секретаря, где добивался «большевизации» учреждения. Окончательно поступил в ЭОРМ в 1931 г. (отмечен в списке директоров с 1930 г.⁵⁴), который возглавлял до 1933 г., активно включившись в борьбу с «руденковщиной». Одновременно оставался на преподавательской и административной должностях в Ленинградском Восточном институте, участвуя в «кировских чистках». В 1935–1937 гг. – директор ГМЭ. Был арестован 5 июля 1937 г. и впоследствии расстрелян⁵⁵.

Смена кадрового состава принимается без упоминания, как свершившийся факт. Однако по завершении года замечено, что «новые работники, пришедшие в 1931–1933 гг., методологически подготовлены, но языком народа, который они изучают, владеют 4 из 15 <...> Совместительства имеются у 50%, но не более одного ВУЗА или НИИ учреждения»⁵⁶.

С образованием ГМЭ были продекларированы следующие задачи:

1. Развертывание исследования и показа истории происхождения и развития этнических групп и национальностей, возникновения классов и истории классовой борьбы, форм государственного устройства, идеологии на различных этапах состояния общества, форм колониального состояния отдельных этнических

групп и национальностей бывшей царской России и конкретных результатов осуществления ленинской национальной политики в настоящее время;

2. Подготовка планов экспозиций в отделах Украины, Сибири, Ленинградской области и Карелии, выставок «Ленинградская область и Карелия», «Украина и УССР», «Народы Нижнего Амура»;

3. Ускорение темпов реконструкции экспозиции отдела народов Средней Азии (Казахстана и Узбекистана);

4. Проведение экспедиций в низовья Амура, Центрально-черноземную область, Северный Алтай, Северный Кавказ, Ленинградскую область и Карелию, в Узбекистан, Бурят-Монголию и Марийскую АО;

5. Укрепление научно-исследовательской работы, что требовало, по мнению руководства ГМЭ, решения в кадровом ракурсе: привлечения новых высококвалифицированных кадров и организации подготовки аспирантов и повышения квалификации младшего научного состава, т.е. продолжения курса на обновления контингента научных сотрудников;

6. Организация издательства и реорганизация подсобных служб⁵⁷.

Как можно видеть, в общем плане задачи музея сдвигались более в сторону работы с темами по гражданской истории, чем собственно этнографической тематики, что отчасти могло быть риторическим приемом. При планировании конкретной музейной работы задачи оставались прежними, но масштаб их уменьшался.

Нельзя сказать, что ранее музей не занимался историческими проблемами. В 1932 г. в ЭОРМ был выделен сектор национальной политики культур народов СССР с задачами показа достижений Советской власти: уничтожение неравенства национальностей, индустриализация отсталых районов, создание возможностей путей некапиталистического развития для наиболее отсталых народов; и критики великорусского шовинизма и местного национализма, а также полемики по вопросам расовой теории. Конечно, характер влияния работы сектора на музейные экспозиции оставался проблемой далекой от разрешения⁵⁸. В отчетах за несколько последующих лет этот сектор фигурирует как объединяющий все работы этнографического направления, позже, в 1937–1938 гг., музей на некоторое время обретает схожую структуру – наряду с региональными этнографическими отделами был организован сектор истории СССР XVII–XVIII вв.

После 1934 г. продолжается выполнение плана, принятого на Вторую пятилетку (1933–1938). В этот период научная часть музея состояла из 7 отделов: отдела народов РСФСР, Украины, Кавказа, Сибири, Средней Азии, Белоруссии, Ленинградской области и Карелии. Все экспозиции этого периода строятся, исходя из требований иметь два раздела: один отведен традиционной этнографии («как было»), второй – современному социалистическому быту народа («как стало»). По этому принципу работали и другие этнографические музеи, его используют в новых экспозициях МАЭ⁵⁹.

В 1935 г. в ГМЭ был закончен раздел экспозиции «Узбеки в феодальный период», была построена экспозиция «Ленинградская область (Мурманский округ) и Карелия», построена выставка «Ковровые изделия народов Средней Азии и Ирана по собраниям музея», реэкспозиции «Саяно-Алтайской выставки» и «Советской Белоруссии» не были сделаны, как сказано в отчете, за недостатком средств. Отмечалось, что принятое решение отразить промышленность Мурманского округа вызвало трудности и в сборе материала, и в его экспонировании: «показ социалистической техники в залах этнографического музея затруднителен», как и сопоставление «жалкой саамской вежи» с большим «каменным домом». Состоялись экспедиция «Алтайская» с выполнением археологических и этнографических работ, экспедиция в Северный край с задачей «изучения соцстроительства и добора материалов по состоянию дореволюционной деревни», экспедиция на Кольский полуостров для сбора материала по соцстроительству. В том же направлении работала Карельская экспедиция, но большая экспедиция, посетившая разные районы Узбекистана, занималась и проблемами быта прошлого. Научно-исследовательские работы оставались разнообразными, но стала более заметна их связь с задачами экспозиционной работы. Круг экскурсионных тем сократился по сравнению с 1929 г. («Национальная политика царизма и советской власти», «От первобытной орды до коммунистического строительства», «Положение женщины в условиях царизма и советской власти», «Религия как тормоз социалистического строительства», «История народов СССР», отдельные темы по физической и экономической географии). В 1935 г. ГМЭ посетило 77 067 чел.⁶⁰.

В первой половине 1936 г. были закончены разделы экспозиции «Узбекистан»: «Узбеки в период колонизации» и «Узбеки в борьбе за построение социализма». Второй экспозицией, выполненной по плану, была «Эвенки в про-

шлом и настоящем». О ней можно говорить как о типичной экспозиции ГМЭ середины 1930-х гг. Экспозиция состояла из разделов: природно-географические условия, колониальная политика царизма («зверства колонизаторов»), эвенки в эпоху царизма (родовой строй, «нищета, темнота и убожество жизни эвенков, отсталость техники и т.д.»), классовое расслоение и эксплуатация сородичей, маскировка родовыми отношениями классовой дифференциации и эксплуатации, угнетение российскими колонизаторами, социалистическое строительство (макет культбазы и эвенкийского колхоза)⁶¹.

Были в 1936 г. реэкспонированы разделы экспозиций «Белоруссия и БССР», «Ленобласть и Карелия», построена экспозиция «Русское население Черноземных областей». В 1936 г. состоялись экспедиции (уже без археологических работ) на Алтай, в Воронежскую область, в северную Белоруссию, на Северный Кавказ, экспедиция в Узбекистан, Таджикистан и Туркмению, на Кольский полуостров, фольклорно-музыкальная экспедиция в Ойротскую Автономную область. В разработке сотрудниками находилось более 20 научных тем с преобладанием проблематики изучения бытовой культуры, однако были и такие темы, как «Отношение крестьян к произведениям А.С. Пушкина» и «Два письма академика Н.Я. Марра». В 1936 г. музей посетили 93 782 чел.⁶².

В 1937 г. были организованы только две экспедиции (в Туркменистан и Карелию) и 4 командировки (на Украину, Алтай, Северный Кавказ и в Вологду).

Главным событием 1937 г. была борьба с т.н. «вредителями», которыми были объявлены представители руководства музея. Кампания закончилась закрытием ГМЭ за «антисоветскую пропаганду», аресты в музее начались в 1936 г. и продолжались в 1937 г.; в 1937 г. руководство было обвинено в срыве всей работы музея. О том, что строительство экспозиций музея находится под угрозой срыва, было объявлено в газете «Ленинградская правда» от 17 июня 1937 г. Однако к ноябрю 1937 г. музей был открыт в составе экспозиций «Русское население черноземных областей РСФСР», «Узбеки в прошлом и настоящем», «Карелия и Карельский полуостров», «Саяно-Алтай и Ойротия», «Эвенки в прошлом и настоящем». Новым было начало работ над экспозицией отдела «История СССР. XVIII век». Были открыты выставки «Туркмения в прошлом и настоящем», «Чукчи и коряки в прошлом и настоящем»⁶³. Экспозиция по Северному Кавказу была закрыта до ее возрождения в 1939 г.

Сейчас трудно судить, насколько действительно была перестроена экспозиционная картина в ГМЭ до ноября 1934 г., несомненно, были введены нужные акценты, и изменения были признаны положительными руководством Наркомата и Ленинграда. Думается, что состояние музейной работы в данном случае не было решающим фактором, вокруг шли кампании по разоблачению вредителей, и в ГМЭ «чистка от вредителей» была проведена образцово: обнаружение корня зла – решительные меры. Полученный и, что важнее, признанный результат, положение дел при этом могло остаться прежним.

Известно, что одной из составляющей процесса репрессий 1936–1937 гг. была не только зачистка потенциального инакомыслия, но и ликвидация части руководства разных звеньев, критерии отбора «преступников» были достаточно расплывчатыми, но среди них присутствовали особо рьяные исполнители прежних решений верховного руководства. Повсеместно, в т.ч. и в науке, преследовались и оставшиеся «старые специалисты», и лица, активно сотрудничавшие со спецслужбами, и организаторы идеологических мероприятий на местах. В ГМЭ таким организаторам перед их устранением была предоставлена возможность провести кампанию по разоблачению группы Н.М. Маторина, одного из бывших вдохновителей их деятельности. Следует отметить, что в этой кампании значение изучения пережитков трактовалось не как тяга к любованию стариной, а как умение изучать социальную среду, обозначалась важность изучения быта как презентанта национального характера. Организаторы смогли поднять волну критики по поводу отказа изучать рудименты прошлого в целях социалистического строительства. В такой позиции, в какой-то мере, можно даже увидеть возврат к целям работы музея 1929 г., хотя его трудно заметить в повторяющихся лозунгах, требовавших изучать и отражать социалистическое строительство. Детальной критике подвергалось все, что было сделано в экспозиционной работе последних лет. Надо сказать, что такой стиль стал нормой дискуссий в музее на долгие годы. В данном случае, в основном, выискивались политические ошибки, преподносимые с позиции сегодняшнего времени, часто в гротескной форме («Показ одиночных интерьеров, показывающих улучшение жизни колхозников, пародировал тезис Сталина “Жить стало легче – стало веселее”»), но поднимались и серьезные проблемы строительства экспозиций⁶⁴.

Одной из постоянно обсуждаемых тем было соотношение вещевого и бумажно-схематического материала. «Бумажные экспозиции, т.е. такие, в которых тексты и графики преобладали над фактическим материалом, действительно были приметой музейных экспозиций данного времени. Проявление их на волне культурной революции, как одной из форм повышения грамотности населения, не случайно, в музеях зачастую они являлись тем материалом, который нес информацию, отсутствующую в предметных источниках и фотографиях. Нельзя не отметить, что в книгах отзывов посетителей ЭОРМ/ГМЭ есть записи с требованиями увеличения количества объяснительных текстов. Другое дело, что увеличение бумажного материала принижало значение основных источников, комплектовавшихся музеями, и сотрудники видели этот ущерб. Примечательно, что во всех дискуссиях, отмеченных в архивных источниках РЭМ, не было ни одного выступающего, который не считал бы преобладание текстов и графиков (а их количество иногда было просто угрожающим) дефектом работы музея, но при этом явственно присутствует мнение научного коллектива о неизбежности строительства «бумажных экспозиций». Другой темой, волновавшей сотрудников, была необходимость при строительстве экспозиций и выставок погружаться в смежные исторические темы, осваивать без времени на подготовку исторический материал, превращаться во «всезнаек» и самим же осуждать «всезнаество». Отчасти такой психотип можно считать признаком эпохи, когда каждого человека приучали к тому, что он брался за такое дело, которое непременно сулило опасность.

Собственно, период между 1934 и началом 1938 г. можно охарактеризовать в двух аккордах:

1. Коллектив музея продолжал выполнять функцию этнографического музея в той мере, в какой наследие 1920-х гг. могло быть реализовано в новых условиях, основной формой данной реализации было построение двухчастных экспозиций, представлявших две стадии социального бытия культуры этноса: до начала модернизации российского общества и в ее первых последствиях; в конечном итоге, появился и еще один «противовес» этнографическому подходу в экспозиционном комплексе – экспозиция по истории СССР; ее можно рассматривать как первый недолговременный опыт обобщающей экспозиции;

2. В «верхах» долго решалась судьба ГМЭ; отмечено, что в 1935 г. его даже было решено сделать единственным этнографическим музеем Ленинграда с расширением функций до

показа всей мировой этнографии⁶⁵, что зафиксировано в проекте; в 1937 г. музей был показательно закрыт, но менее чем через полгода открыт со статусом «советского этнографического музея», который позволял ему вести внутреннюю работу по законам этнографии и музеологии, внешне реализовать установки партийной идеологии; парадность его залов и готовность к выполнению заказов партии и правительства в дальнейшем сочетались с установкой на рутинность музейной работы и трудовую скромность научных кадров музея, занимающихся сугубо внутренними проблемами музейной деятельности.

Судьба учреждения складывается в какой-то мере из судеб людей, работавших в нем. Выше были упомянуты имена известных ученых, устраненных из науки и жизни в начале 1930-х гг. Были люди, пришедшие в музей накануне больших событий, ускорявшие ход этих событий, и этим оставившие по себе память. Часть из них сторела в том пламени, которое они сами помогали разжигать. У тех, кого упомянем сейчас, жизнь прошла по-разному, все они оставили свой след в науке, все они были связаны с ЭОРМ/ГМЭ в 1930-е гг. Назвать всех нет задачи, назовем нескольких, чтобы ощутить дыхание судьбы и времени.

Первую категорию составляют ученые, работавшие в ЭОРМ и ГМЭ, но покинувшие его стены и ставшие известными людьми уже благодаря работе в других местах. В эту группу включены известные ученые, являвшиеся консультантами ГМЭ.

С.М. Абрамзон (1905–1977), тюрколог, киргизовед, специалист по этнографии Средней Азии, с 1931 года после нескольких лет работы в Киргизии работал в ЭОРМ и МАЭ, затем сосредоточился на работе в МАЭ, где позднее состоял в секторе этнографии народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, с 1948 по 1968 г. возглавлял Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР.

Н.П. Гринкова (1895–1961), этнограф-славист. Работала с 1921 г. научным сотрудником, а с 1930 – заведующим отделом этнографии славян и финнов ЭОРМ, позднее руководила отделом восточных славян в ГМЭ. Также с 1920 по 1927 г. работала в ГАИМК, а с 1918 до конца жизни (в 1961 г.) – в Педагогическом институте (позднее ЛГПИ им. А.И. Герцена), где со временем возглавила кафедру русского языка. Постепенно отошла от этнографической тематики, перейдя в сферу восточнославян-

ской диалектологии; в 1948 г. ее работы по восточнославянской одежде были подвергнуты сильной критике во время кампании, разоблачавшей учение Н.Я. Марра, но это никак не сказалось на ее научной деятельности⁶⁶.

М.П. Грязнов (1902–1987), археолог, специалист по сибирской археологии. С 1925 г. работал в ГАИМК, в 1929 г., будучи также сотрудником ЭОРМ, исследовал Первый Пазырыкский курган. 29 ноября 1933 г. Грязнов был арестован по делу «Российской национальной партии». После возвращения в 1937 г. работал в Эрмитаже, а в послевоенные годы – в Эрмитаже и ЛОИА АН СССР. В 1971–1974 гг. вел раскопки раннескифского кургана Аржан (VIII–VII вв. до н.э.).

П.П. Ефименко (1884–1969), археолог, исследователь палеолита. В ЭОРМ – с 1929 г. В 1915–1923 гг. – научный сотрудник Исторического музея в Москве. В 1923 г. переехал в Петроград, работал в Эрмитаже, МАЭ, ГАИМК/ИА АН СССР (ЛО). Профессор ЛГУ. В 1945–1954 гг. – директор Института археологии АН УССР.

Л.П. Потапов (1905–2000), этнограф-сибиревед. Будучи в штате ЭОРМ, в 1930 г. поступил в аспирантуру Академии наук СССР, по окончании которой возглавлял отдел Сибири в ЭОРМ/ГМЭ и работал заместителем директора по науке, также занимался исследованиями в ГАИМК/ИА АН СССР (ЛО). Защитив докторскую диссертацию в 1939 г., Л.П. Потапов перешел в Институт этнографии сначала научным сотрудником, а с 1947 г. – заведующим сектором Сибири, оставаясь в ГМЭ до 1948 г. В годы Великой Отечественной войны выезжал с коллекциями ГМЭ в эвакуацию в Горький и Новосибирск. С 1948 по 1967 г. занимал должность заместителя директора Института этнографии, возглавлял отдел Сибири. Одновременно руководил Музеем антропологии и этнографии АН СССР⁶⁷.

Д.М. Позднеев (1865–1937), востоковед, языковед. В 1936–1937 гг. – консультант по научной работе ГМЭ. До 1898 г. – приват-доцент, затем профессор Петербургского университета. Действительный член Русского географического общества. В 1905–1906 гг. – директор Восточного института во Владивостоке. Находясь в 1906–1910 гг. в Японии, создал первый в России японско-русский иероглифический словарь. По возвращении участвовал в организации Практической восточной академии в Петербурге. Преподавал историю и экономику Японии и Китая в Ленинградском государственном университете, Ленинградском Восточном институте и в Военной академии РККА им. Фрунзе в Москве,

внештатный консультант 3-го отдела 4-го управления штаба РККА по дальневосточным вопросам. Известен также как прототип Воланда, персонажа романа Булгакова. Арестован 1 октября 1937 г.

П.И. Равдоникас (1894–1976), археолог, историк первобытного общества. В 1934–1936 гг. – консультант по научной работе ЭОРМ. С 1927 г. работал в ГАИМК, с 1929 г. – в Ленинградском государственном университете, в 1936–1948 гг. занимал должность заведующего кафедрой (отделением) археологии ЛГУ, в 1944–1945 и 1946–1949 гг. заведовал Ленинградским отделением Института истории материальной культуры.

Г.П. Сосновский (1899–1941), один из первооткрывателей палеолита Сибири. Сотрудник ЭОРМ/ГМЭ в начале 1930-х гг., в 1936 – заведующий отделом Украины. С 1927 г. – сотрудник ГАИМК, в 1928–1929 гг. – начальник Бурятской археологической экспедиции. В 1934 и 1937 гг. руководил Ангарской экспедицией, совместно с М.М. Герасимовым вел раскопки палеолитической стоянки Мальта.

А.К. Сержпутовский (1864–1940), этнограф-славист, исследователь этнографии белорусов. В 1906–1930 гг. – работник ЭОРМ.

Другую группу составляют сотрудники, оставшиеся работать в ГМЭ на всю жизнь, итог деятельности которых измерялся во множестве экспедиций ГМЭ, пополнении его фондов, создании ученой документации, строительстве его экспозиций.

Т.А. Крюкова (1904–1978), в ЭОРМ/ГМЭ с 1932 по 1977 г., с 1938 г. – заведующая отделом этнографии народов Поволжья и Приуралья.

А.С. Морозова (1909–1999), в ГМЭ с 1934 по 1972 г., научный сотрудник отдела этнографии народов Средней Азии (1934–1937), заведующая тем же отделом (1937–1972), и.о. директора ГМЭ (1941–1944), главный хранитель ГМЭ (1948–1955).

Е.П. Орлова (1899–1976), этнограф, исследователь культуры народов Сибири и Дальнего Востока (иттельменов, коряков, эвенов, алеутов и др.), участник создания алфавитов. Принята в 1928 г. временным сотрудником ЭОРМ, в 1949–1961 гг. – заведующая отделом этнографии народов Сибири и Дальнего Востока.

М.В. Сазонова (1906–1987), научный сотрудник отдела этнографии народов Средней

Азии (1931–1943), заведующая этим же отделом (1944–1949), директор филиала ГМЭ в Новосибирске (1943–1944), заместитель директора ГМЭ по научной части (1949–1957).

Е.Н. Студенецкая (1908–1984), специалист по этнографии народов Северного Кавказа. В ЭОРМ/ГМЭ с 1930 по 1981 г. Заведующая отделом Кавказа (1938–1981), и.о. заместителя директора ГМЭ по научной работе (1954, 1957–1959), директор филиала ГМЭ в Новосибирске (1944–1945).

Основным результатом возникновения Государственного музея этнографии на базе Этнографического отдела Русского музея было сохранение в Ленинграде-Петербурге крупного музейно-этнографического центра. Этим же наметился и баланс между требованиями, с одной стороны, предъявляемыми государством этнографии как общественной науке и музею как государственному институту, а с другой – функциями музея, производными от его научного базиса и практической деятельности. В дальнейшем этот баланс часто выглядел как диктат государственной идеологии и партийного руководства, при котором нелегко, но можно было сохранять поле профессиональной самостоятельности. Приходилось ценить юбилейные даты дня создания ГМЭ, когда были допустимы попытки отстоять это поле самостоятельности или даже расширить его. В этом отношении особо памятен 1984 г. – дата пятидесятилетия создания Государственного музея этнографии, когда музею удалось, используя проявленный в идеологической работе КПСС интерес к национальным проблемам, добиться большего признания его значения и в городе, и в стране.

Российский этнографический музей, тогда Государственный музей этнографии, обрел свою самостоятельность в трагический период истории страны. В середине 1930-х гг. закончилось время Этнографического отдела Русского музея. Впереди было время становления Государственного музея этнографии народов СССР, в основном пришедшееся на 1950–1980-е гг., период, когда было создано отечественное этнографическое музееведение, и ГМЭ подошел к тому, чтобы снова заявить о себе как о самостоятельном отряде российской и мировой этнографии.

¹ Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи. – Л., 1978. – С. 136.

² Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 2. – С. 113–125.

³ Совещание этнографов Ленинграда и Москвы // Этнография. – 1929. – № 2. – С. 115, 116; Аптекарь В.Б., Быковский С.Н. Современное положение на лингвистическом фронте и очередные задачи марксистов-языковедов // Известия ГАИМК. – 1931. – № 10. – С. 3–47; Маторин Н.М. Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. 1931. – № 1–2. – С. 11; Быковский С.Н. Этнография на службе классового врага // Советская этнография. 1931. – № 3–4. С. 3–13.

⁴ Ратнер-Штернберг С.А. Л.Я. Штернберг и Ленинградская этнографическая школа // Советская этнография. – 1935. – № 2. – С. 149.

⁵ Там же. – С. 136.

⁶ Совещание этнографов Москвы и Ленинграда. 05.04.1929 – 11.04.1929, стенограмма. Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 7; Абрамзон С.М. «Советская этнография» в начале 30-х годов (из воспоминаний этнографа) // Советская этнография. – 1976. – № 4. – С. 90–92; Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Этнографическое обозрение – 2001. – № 3. – С. 113, 115, 119; Бертран Ф. Наука без объекта. Советская этнография 1920–1930 гг. и вопросы этнической категоризации // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6. – № 3. – С. 98–113.

⁷ Маторин Н.М. Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. – 1931. – № 1–2. – С. 12.

⁸ Тезисы доклада М.Н. Лядова (руководитель Главнауки Наркомпроса СССР в 1928 г.). Цит. по: Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 281, приложение к журналу 473. Л. 9 а.

⁹ Протокол заседания Ученого совета ЭОРМ от 29 июня 1929 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 281, журнал 474. Л. 13.

¹⁰ Протокол заседания Ученого совета ЭОРМ от 29 июня 1929 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 281, журнал 474. Л. 14.

¹¹ Там же. – Л. 16 об.

¹² Там же. – Л. 14, 15.

¹³ Дмитриев В.А., Иванова В.И. А.А. Миллер – археолог и этнограф-кавказовед // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). – СПб., 1992. – С. 25–40.

¹⁴ Протокол заседания Ученого совета ЭОРМ от 29 июня 1929 г. Указ. соч. Л. 10, 11 об.

¹⁵ Там же. – Л. 17.

¹⁶ Там же. – Л. 12.

¹⁷ Там же. – Л. 18.

¹⁸ Российский этнографический музей. 1902–2002 / Ред. Грусман В.М. и др. – СПб.: Славия, 2001. – С. 40.

¹⁹ Пятилетний план работы ЭОРМ на 1928–1932 гг. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 264. Л. 1, 2.

²⁰ Там же. – Л. 20–22.

²¹ Отчетные сведения по отчету Государственного Русского музея с 1.Х.28 г. по 1.Х.29 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 269. Л. 1.

²² Пятилетний план работы ЭОРМ на 1928–1932 гг. Указ. соч.; Планы экспозиционной и экспедиционной работы. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 266. Л. 5.

²³ Протоколы заседаний и записка об организации этнопарка от 13–18 января 1931 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 360. Л. 1–13.

²⁴ Отчетные сведения по отчету Государственного Русского музея с 1.Х.28 г. по 1.Х.29 г. Указ. соч. Л. 7; Политпросветработа ЭОРМ за 1929–30 гг. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 269. Л. 11.

²⁵ Отчетные сведения по отчету Государственного Русского музея с 1.Х.28 г. по 1.Х.29 г. Указ. соч. Л. 6.

²⁶ Пятилетний план работы ЭОРМ на 1928–1932 гг. Указ. соч. Л. 1, 2.

²⁷ Там же. – Л. 4–8.

²⁸ Горелов И.Е. Николай Бухарин. История Москвы: портреты и судьбы. – М.: Московский рабочий, 1988. – С. 100–145.

²⁹ Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. – М., 1989.

³⁰ Стенограмма совещания этнографов Москвы и Ленинграда с 5 по 11 апреля 1929 г. Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 7. Л. 411. Цит. по: Российский этнографический музей. 1902–2002. Указ. соч. – С. 40.

³¹ Потапов Л.П. Саяно-Алтайская выставка (Ленинград) // Советская этнография. – 1932. – № 3. – С. 94.

³² Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за 50 лет Советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. – М., 1971. – Вып. VII. – С. 36.

³³ Резолюция по дискуссии «Руденковщина в Этнографическом отделе Г[осударственного] Р[усского] музея от 19.02.1932 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 361. Л. 68–70.

³⁴ Потапов Л.П. Указ. соч. – С. 93, 94.

³⁵ Донской временник // Миллер Александр Александрович, археолог, знаменитые люди Дона, ученые... donvrem.dspl.ru/Files/article... копия. Дата посещения 10.09.2014.

³⁶ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 276. Л. 23.

³⁷ Советская этнография. – 1932. – № 4. – С. 6, 7.

³⁸ Там же. – С. 9–14.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. – С. 11.

⁴⁴ Потапов Л.П. Указ. соч. – С. 94, 95.

⁴⁵ Ипполитова А.Б. История Музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 144–160.

⁴⁶ [А.З.] Этнография в Москве // Советская этнография. – 1934. – № 4. – С. 118, 119.

⁴⁷ Кушнер П. Музей народов СССР // Советский музей. – 1938. – № 112. – С. 22–25.

⁴⁸ Постановление Наркомпроса о реорганизации Русского музея, выделении из его структуры в самостоятельный Этнографический музей и другие документы по этому поводу. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 435. Л. 8.

⁴⁹ Там же. – Л. 1–9 об.

⁵⁰ Супинский А.К. Государственный Этнографический музей // Советская этнография. – 1934. – № 3. – С. 105.

⁵¹ Постановление Наркомпроса о реорганизации Русского музея... Указ. соч. Л. 9, 9 об.

⁵² Отчет о работе Гос[ударственного] Этнографического музея в 1934 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 269. Л. 121.

⁵³ Там же. – Оп. 3. Д. 636. Л. 25.

⁵⁴ Российский этнографический музей. 1902–2002. Указ. соч. – С. 4.

⁵⁵ Люди и судьбы. Биографический указатель востоковедов-жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост. Я.В. Васильков. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

Интернетресурс <http://pvost.org/publ/vneser/vassil.html>. Дата входа 13 июня 2014 г.

⁵⁶ Объяснительная записка к отчету музея о работе в течение Первой пятилетки. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 430 С. 17.

⁵⁷ Супинский А.К. Указ. соч. – С. 105, 106.

⁵⁸ Отчетные сведения о работе этнографического отдела музея в 1932 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 410. Л. 5.

⁵⁹ Кондауров А. Реэкспозиция отдела Передней и Средней Азии в музее антропологии и этнографии // Советская этнография. – 1934. – № 4. – С. 123, 124.

⁶⁰ Отчетные сведения о работе этнографического отдела музея в 1935 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 269. Л. 129–147.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. – Л. 148–155.

⁶³ Там же. – Л. 156–168.

⁶⁴ Супинский А.К. (?) Доклад о положении в этнографической науке с обзором экспозиционной деятельности этнографического музея. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 566. Л. 22.

⁶⁵ Заключение комиссии по переводу Государственного музея этнографии в другое здание от 1 октября 1935 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 502. Л. 1, 1 об.

⁶⁶ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 32. Л. 6–14; Чагишева В.И. Творческий путь Н.П. Гринковой // Учен. зап. ЛГПИ. – Л., 1963. – Т. 24; Алымов С.С. Три этюда о «марризме» в советской этнографии // Советская этнография. – 2008. – № 6. – С. 79–84; Российский этнографический музей. 1902–2002. Указ. соч. – С. 71.

⁶⁷ Дьяконова В.П., Решетов А.М. О Леониде Павловиче Потапове // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 2. – С. 25–131.

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ

УДК 398

Аксиология богатства в русской крестьянской общине конца XIX в. (по материалам Бюро князя В.Н. Тенишева)

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ ОСТРОВСКИЙ

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Доктор исторических наук, научный сотрудник музея главной категории

e-mail: ost-alex@yandex.ru

Материалы опроса, проводившегося Бюро князя В.Н. Тенишева в конце 1890-х гг., дают возможность узнать о ценностных ориентирах крестьян Европейской России относительно обретения богатства, его предпочитаемых формах и конкретных чертах одобряемого либо порицаемого обществом поведения зажиточного человека. В статье рассматриваются опубликованные к настоящему времени результаты опроса по 11 губерниям – преимущественно, ответы на вопросы № 387 – Экономическое положение крестьянской семьи, а также № 106 – Стремление крестьян возвысить свое общественное положение и № 107 – Личные отношения крестьян. Анализ мнений сельских жителей позволяет выявить определенные тенденции, сформировавшиеся к концу XIX века: в этот период наряду с аксиологическим преобладанием такой формы богатства, как деньги, не меньшую ценность имели и традиционные формы достатка – владение хорошими постройками, скотом. По отношению разбогатевшему крестьянину проявлялись особые этикетные формы уважения, подлинного либо мнимого.

Ключевые слова: крестьянская община, аксиология богатства, формы богатства, крестьянский этикет, формы уважения.

UDC 398

Axiology of Wealth in the Russian Peasant Community in the Late Nineteenth Century (Following the Materials of the Bureau of Prince V.N. Tenishev)

ALEKSANDR B. OSTROVSKII, D.Sc. (Ethnology)

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg

Leading researcher

e-mail: ost-alex@yandex.ru

The survey conducted by the Bureau of V.N. Tenishev in the late 1890s gives the opportunity to learn about value orientations of the peasants of European Russia on gaining wealth, its preferred forms and specific terms approved or censured by society of the behavior of a wealthy person. The article discusses the results of a survey conducted in 11 provinces published to date, by focusing on the answers to questions No. 387 “Economic situation of the peasant families”, No. 106 “The Desire of the peasants to elevate their social position” and No. 107 “Personal relations of the peasants”. The analysis of the rural residents’ opinions allows us to identify certain trends that emerged by the end of the 19th century. During this period, along with the axiological prevalence of such form of wealth as money, no less importance was attached to the traditional forms of wealth – the possession of good buildings and cattle. Special etiquette forms of respect, real or false, were established based on the behavior of wealthy farmers.

Key words: peasant community, axiology of wealth, forms of wealth, peasant etiquette, forms of respect.